

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Три жизни
жаворонка

Р О М А Н

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Три жизни жаворонка : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-106812-7

Насте Жаворонковой было 16, когда она узнала, что беременна. Отец ребенка, ее первая любовь, сбежал от ответственности, оставив девушку с разбитым сердцем. Растить ребенка вдвоем с пожилой мамой тяжело, и когда на пути Нasti возникает обеспеченный мужчина, готовый жениться, все вокруг решают, что это подарок судьбы. Но может ли материальное благополучие заменить женское счастье?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106812-7

© Колочкова В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Светит солнце, воздух тонок.
Разыгралась весна,
Вьется в небе жаворонок —
Грудь восторгами полна!

Житель мира — мира чуждый,
Затерявшийся вдали, —
Он забыл, ему нет нужды,
Что творится на земли...

(С. Е. Раич «Жаворонок»)

Ей снилось счастье. Не картинки, не образы, которые обычно приходят во сне, а ощущение счастья. Просто ощущение. Просто чувство. А может, оно и не снилось, а давно жило в ней, заполнило ее всю, перекликалось с утренним пением птиц и нежным лучом солнца, огладившим щеку. А еще перекликалось с запахами мальвы, бурно растущей под окном, и чего-то съестного, сытного и ужасно аппетитного. Наверное, мама к завтраку блинчики с творогом затеяла. Даже проснуться захотелось. Но еще больше хотелось, чтобы сон все-таки не кончался...

— Настена, вставай! Завтрак готов! — ворвался в сон буднично сердитый голос мамы. — Сколько можно спать? Вставай!

Ну вот... Мама испортила все. Счастье испугалось и замерло внутри. Или совсем упорхнуло. Хотя чего бы ему вдруг совсем упорхнуть? Нет, оно живет в ней, хоть и съежилось до поры до времени. По крайней мере, до вечера. Вечером она снова увидит Никиту...

— Настя, ты встала? Не слышу?

Да что ж такое... Что за порядки у них в доме — обязательно всей семьей к завтраку собираться?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Можно ведь и потом... После... Когда мама с папой на работу уйдут... Дисциплина, как в армии! Подъем, завтрак по расписанию!

— Я встала, мам... Ну, то есть почти встала...

— Что значит — почти? Не серди меня с утра, Настя, быстро вставай, умывайся и выходи к завтраку! Тем более у меня вопросы к тебе есть, ответить придется!

Вопросы, вопросы... Знаем мы эти вопросы. Где была, почему поздно пришла, а еще вспомни, сколько тебе лет... Как будто она может забыть, сколько ей лет! Ну, шестнадцать, и что? Разве человек в свои шестнадцать не имеет права быть счастливым? Тем более если человеку скоро семнадцать должно исполниться? Хотя маме все равно ничего не объяснишь и ничего не докажешь... Лучше слушать и во всем соглашаться. Молча. Чтобы счастье не вспугнуть.

Когда Настя вошла на кухню, мама с отцом уже сидели за столом. Мама пила крепкий кофе, отец — зеленый чай: ему кофе нельзя, сердце слабое. Мама не разрешает.

— Ну, наконец-то изволила... — ворчливо проговорила мама. — Садись, завтракай... Что будешь, чай или кофе?

— Кофе хочу...

— Тогда в кофе молока налей, черный не пей. Для желудка вредно. Вот тут блинчики с малиной, а тут с творогом... Ешь давай...

— Доброе утро, Жаворонок! — ласково приветствовал ее отец и тут же добавил насмешливо: — Хотя

Три жизни жаворонка

какой ты жаворонок, фамилию не оправдываешь... Ты скорее сова, чем жаворонок! Уж больно спать горазда!

— Так я ж себе фамилию не выбирала, пап... И погонялку мне в школе только из-за фамилии дали! Если Жаворонкова, значит, Жаворонок, и точка! Никого не волнует, в котором часу я просыпаться должна!

— Ну, не скажи, не скажи... Зачем зря на себя кле-вещешь? Я-то знаю, что ты у меня настоящий Жаворонок! Не только из-за фамилии...

— Хм... А что значит — настоящий?

— А то и значит... Жаворонок, он же вверх летит, к раннему утреннему солнышку, земли под собой не чувствует. И песню поет... Это ж особое свойство души — быть жаворонком, не каждому дано... Чтобы песню петь и вверх лететь, в небо...

— А я, значит, лечу и пою?

— Да, ты летишь и поешь. Душа у тебя такая, Настена. Поющая.

— Это я в тебя такая, пап...

— Ну, завели свою песню! Слушать невозможно, — тихо проговорила мама, быстро взглянув на часы на стене. — Прямо с утра в романтику ударились, что отец, что дочь... И как вам, бедным, тяжело со мной живется, с такой приземленной, а? Может, вас пожалеть надо?

Отец ничего не ответил, только плечами пожал, уткнулся носом в свою чашку. А маме только того и надо — понеслась с недовольством, не удержав:

— Ты бы лучше спросил, в котором часу твоя доченька домой опять заявила! Говорю ей, говорю,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

все без толку... Еще молоко на губах не обсохло, а на уме одни ночные гуляния!

— И вовсе не ночные... — тихо проговорила Настя, чем только подстегнула маму к еще большему недовольству.

— А какие, по-твоему? Ты думаешь, я сплю и ничего не слышу, да? Ты ж опять во втором часу ночи пришла! Сколько это безобразие будет еще продолжаться, Анастасия? Хочешь, чтобы я на крайние меры пошла?

— Мам, ну зачем ты...

— А затем! Как еще с тобой поступать, если ты сама ничего не понимаешь? Или тебе надо объяснять, чем могут закончиться твои ночные гуляния? В подоле нам с отцом принести хочешь?

— Ирина, прекрати... — быстро вскинул на маму сердитые глаза отец. — Не надо с ней в таком тоне разговаривать, слышишь?

— Как считаю нужным, так и буду разговаривать! Она моя дочь, в конце концов! Если ты ничего не замечаешь, то у меня, слава богу, нормальная голова на плечах имеется! И я рассуждаю здраво! И говорю то, что думаю, без романтических экивоков!

— Да я совсем не против твоего здравомыслия, Ирин... Я просто хочу сказать, что нельзя в таком уничижительном тоне разговаривать...

— Как умею, так и разговариваю! И еще раз могу повторить — этим ночным гуляниям надо положить конец! И не спорь со мной, Егор!

— Да разве с тобой поспоришь... Себе дороже...

Три жизни жаворонка

Настя вздохнула, подумав про себя, какие же они разные все-таки, мама с папой... И как только умудрились столько лет вместе прожить? Хотя говорят, милые бранятся — только тешатся? Но ведь бранится обычно мама, а папа молча выслушивает! И при этом как-то так получается, что мамина брань будто и не достает его вовсе... Он вообще по природе молчун. И очень добрый. И спокойный. И умный. А мама... Мама — огонь! Ей надо, чтобы последнее слово всегда за ней было! Причем это слово должно быть решительным и громким, хотя часто обстоятельства этого и не требуют. В общем, все, как у Онегина с Ленским — «Они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень»... И все бы ничего, и слава богу, что сошлись... Если не брать во внимание, конечно, чем там у Пушкина все это закончилось.

Нет, в общем и целом они замечательно живут, и в поселке их семью считают показательно образцовой. Дом хороший выстроили, двухэтажный. Сад вокруг дома, цветы. Папа бригадиром в леспромохозе работает, мама аптекой уже много лет заведует. Очень ее в поселке все уважают, потому как она любой совет может дать, какую болячку чем лечить. Фельдшер Тамара Филипповна часто шутит — хлеб у меня отбиваешь, Ирина Ивановна! Ты ж, мол, провизор, ты не можешь советы давать! Мама только усмехается понимающе — а что, мол, тебе еще остается говорить, если народ ко мне за советом тянется... Такой, стало быть, ты фельдшер, что провизору доверия больше.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— ...Настя, я с тобой разговариваю или нет? Опять в облаках витаешь, не слышишь, о чем тебя спрашивают? — ворвался в ее тихие мысли мамин сердитый голос.

— Да, мам, прости... Я и впрямь задумалась... А о чем ты спросила?

— Я спросила тебя — даешь ли ты себе отчет, что с тобой сейчас происходит?

— А что со мной происходит, мам? Со мной все хорошо...

— Что значит — все хорошо? Да ты хоть понимаешь, что этот Никита просто развлекается с тобой от нечего делать? Ну что ты о нем знаешь вообще? Кроме того, что Никитой зовут?

— Я... Я все про него знаю, мам...

— И что же?

— Ну... Он студент...

— И где же он учится, очень интересно знать?

— Кажется, в политехническом... А может, в технологическом... Я точно не помню, мам.

— Ну вот! А говоришь, все знаешь!

— Но разве это так важно, где он учится? Я просто не запомнила, но он говорил...

— Понятно. А фамилию его хотя бы ты знаешь?

— Фамилию знаю! У него очень красивая фамилия, мам! Я даже не поверила сначала...

— Ну? И какая же эта замечательная фамилия?

— Ветер... Он Никита Ветер... Красиво звучит, правда?

— Ну, не знаю... Если у него и характер такой, как фамилия... Ой, не нравится мне все это, ужас как не

Три жизни жаворонка

нравится! Похоже, ты совсем голову потеряла, Настена! А вот он, Ветер твой... Кто знает, что у него на уме... Ладно бы, в нашего какого парня влюбилась, я б и не возражала! А тут — Ветер... Какой с ветра спрос, и концов не найдешь, если что...

Мама вздохнула, с тоской посмотрела на отца, словно ждала, что он поддержит ее сомнения. Он и поддержал. Только в обратную сторону, то есть проговорил вполне уверенно, слегка хлопнув ладонью по столешнице:

— Да ладно тебе, мать! Что ты бежишь впереди паровоза, будто Настене замуж за этого Никиту выходить приспичило! Ну, случилась у нее первая любовь... Настоящая... Не нам с тобой решать, кого ей любить, а кого нет! Пусть влюбляется на здоровье!

— Да как ты не понимаешь, Егор, господи... — снова вздохнула мама. — Ей же всего шестнадцать... Голова совсем дурная... Да мало ли что...

— Хм... А когда надо влюбляться, по-твоему? В сорок пять? Когда голова поуменеет?

— А если...

— А вот давай без «если»! Давай не будем заранее плохо думать о человеке! И вообще... Мне кажется, он хороший парень, этот Никита. Вишь, баклуши не бьет, работать подрядился на все каникулы, деньги зашибает! Что, разве не так?

— Да так, пап, так... — опередила Настя маму с ответом. — Он мне говорил, что за учебу надо деньги вносить, а он у родителей брать не хочет...

— Ну! Я ж говорю, хороший парень! — благодарно глянул на нее отец и улыбнулся. — Да они там все

ВЕРА КОЛОЧКОВА

молодцы, хорошая бригада подобралась, на совесть работают! Михалыч ими доволен... Думал, не успеют к сентябрю ремонт закончить... Но видать, все успевают. Директор недавно из отпуска приехал, Михалыч ему доложил...

— Ой, да твоего Михалыча вокруг пальца обвести — раз плюнуть! — небрежно махнула ладонью мама. — Такой же малохольный, как ты! Да что он понимает в строительстве, он же завхоз! Поди, директор долго на эту должность дурака искал, чтобы воровать сподручнее было!

— Ирин... Ну а Михалыча-то за что ты не жалуешь? Что он тебе плохого сделал?

— Да ничего не сделал! Просто оба вы... Один другого стоите... Как засядете на берегу с удочками, да как языками зацепитесь... Не мужики, а философы доморощенные, ни дать ни взять! Часами без дела можете сидеть да ерунду всякую молоть...

— Мы не философы, Ирин. Мы созерцатели. Природа у нас такая. Что не мешает нам и другими земными делами хорошо заниматься.

— Ну-ну... Смотри, созерцатель, как бы мимо носа дочкино счастье не пролетело! А то послушаешь — все-то у тебя хорошо, все правильно... Из любого дерьма конфетку готов вылепить, ага! Принесет дочь в подоле — тоже за счастье почтешь, да?

— Ну хватит, Ирина... Хватит... Сколько можно уже...

Мама снова махнула рукой, вздохнула, замолчала. В повисшей тишине было слышно, как ветка яблони робко стучит в стекло, как соседка Полина Петров-

Три жизни жаворонка

на громко зовет по имени внука Кирюшку, опять запропастившегося куда-то. Вот скрипнула калитка, и вскоре послышался острожный стук в дверь. Мама проговорила громко, чуть обернувшись:

— Входите, открыто! Кто там?

— Это я, Ирина Ивановна, это я... — донесся из прихожей робкий женский голос. — Вы уж простите, что я к вам домой заявила... Прибежала за лекарством, смотрю, аптека-то еще закрыта...

— Ну вы же знаете, Мария Никифоровна, что я с девяти часов открываюсь! А на часах еще без пятнадцати! — поднялась с места мама, с досадой отодвигая стул.

— Да я знаю, Ирина Ивановна, знаю... Но внук всю ночь температурил, вот я и не утерпела, прибежала...

Мария Никифоровна уже стояла в проеме кухни, робко оправляя на голове повязанный узелком назад платок. Улыбнулась сладко отцу и Насте, даже поклонилась слегка, проговорила почти заискивающе:

— Доброго вам утречка, Егор Андреич, Настена... Вы уж простите меня, что нарушила ваш покой... Шибко уж надо, внук сильно болеет... Простите...

— Пойдем, Мария Никифоровна, — решительно двинулась к выходу мама. — Какая у внука температура ночью была?

— Так я не меряла... Только шибко он был горячий... Я с вечера лекарство дала, и он уснул так хорошо... А ночью опять жаром подкосило, а лекарства-то больше и нету! Едва утра дождалась, да и к вам бежать...